

Глава четвертая

Страсти Христовы и гонения на христиан

Существует только одно событие, с которым согласны почти все сообщения, касающиеся Иисуса из Назарета, будь они написаны людьми враждебными или преданными ему: по приказу римского префекта Понтия Пилата он был осужден и распят (около 30 г.). Римский историк Тацит (около 55–115 гг.), в сущности, ничего не зная об Иисусе, отметил только это. Об истории печально известного Нерона (император, 54–58 гг.), Тацит говорит, что Нерон инициировал крупные пожары в Риме и, чтобы пресечь слухи,

нашел виноватых и предал изощренным казням тех людей, которых ненавидел и кого толпа называла христианами. *Христос, от имени которого происходит это название, подвергся смертному наказанию в правление Тиберия, по приказу прокуратора Понтия Пилата, и подавленное на время это пагубное суеверие распространилось все более и более, и не только в Иудее, откуда оно и произошло, но и в самой столице, куда собирается все наиболее постыдное и гнусное и становится модным¹.*

Иудейский историк Иосиф Флавий упоминает Иисуса из Назарета, как один из основных факторов в осложнении отношений между евреями и Римом в период, когда Пилат был прокуратором в Иудее (приблизительно 26–36 гг.). Приписываемый Иосифу комментарий гласит, что «Пилат, услышав, в чем его (Иисуса) обвиняют наши старейшины... осудил его на распятие»².

Последователи Иисуса подтвердили это сообщение. *Евангелие от Марка* – возможно, наиболее раннее из всего Нового Завета (около 70–80 гг.) – описывает, как Иисус, преданный Иудой Искаротом, ночью в Гефсиманском саду, что напротив Иерусалима, был арестован вооруженными людьми в то время, как его ученики разбежались³. Обвиненный в крамоле перед Пилатом, он был осужден на смерть⁴. На кресте Иисус был несколько часов, перед тем как – передает Марк – он «громко воскликнул»⁵ и умер. *Евангелия от Луки и Иоанна*, написанные, очевидно, поколением позже (90–110 гг.), описывают его смерть в более героических выражениях: Иисус простил своих мучителей и с молитвой предал свою жизнь⁶. Но все четыре новозаветных евангелия описывают его страдания, смерть и поспешное погребение. Конечно, евангелия толкуют обстоятельства, предшествующие его смерти, как демонстрацию его невинности. Марк указывает, что первосвященники и правители в Иерусалиме планировали арестовать Иисуса и предать его смерти, потому что его учение было направлено против них⁷. Иоанн представляет полное, исторически правдоподобное описание. Он пишет, что с каждым днем популярность Иисуса росла и все большее число людей окружало его и следовало за ним, поэтому первосвященники собрались на совет Синедриона, чтобы обсудить опасность беспорядков. Некоторые – преимущественно необразованные – сто-

ронники Иисуса уже провозгласили его Мессией⁸ – «царем-помазанником», который – как они предполагали – освободит Израиль от иностранных захватчиков и восстановит царство Иудейское. Такой посыл, особенно во время Пассовера (иудейской Пасхи), когда тысячи евреев стекались в Иерусалим, чтобы отметить праздник, мог воспламенить чувства еврейского национализма, уже тлеющего в городе, и послужить толчком к восстанию. Совет нес ответственность за поддержание мира между еврейским населением и римской оккупационной армией – такой хрупкий, что, когда несколькими годами позже римский солдат, стоявший в карауле в Иерусалиме на праздновании Пассовера, позволил себе неуважительное замечание во дворе Храма, его поведение спровоцировало беспорядки, в которых, как говорят, погибло более 30 тысяч евреев. Иосиф, передающий эту историю, добавляет: «Так празднование закончилось горем для всей нации и тяжелой утратой для каждой семьи»⁹.

Иосиф реконструирует споры в Синедрии относительно Иисуса: «Что нам делать?.. Если оставим его так», толпы могут провозгласить его новым еврейским царем, «и римляне придут и овладеют и местом нашим, и народом»¹⁰. Первосвященник Каифа доказывал, что арестовать одного человека лучше, чем подвергнуть опасности целый народ¹¹. Даже Иоанн осознает политический смысл этой аргументации: он написал свою книгу вскоре после Иудейской войны – восстания против Рима – 66–70 гг., которая закончилась абсолютной катастрофой (как и предвидел Каифа): храм был сожжен до основания, город Иерусалим опустошен, народ истреблен.

Но если источники согласны с основными фактами смертной казни Иисуса, христиане резко не согласны с их интер-

претацией. Один гностический текст из Наг-Хаммади, *Апокалипсис Петра*, дает совершенно другую версию распятия:

...Я увидел, как он, очевидно, был схвачен ими. И сказал я: «Что я вижу, о Господи? Действительно ли это ты, кого они хватают? И ты держишься за меня? И они пригвоздили другого? Кто тот, что над крестом, радующийся и улыбающийся?» Спаситель сказал мне: «Тот, кого ты видишь над крестом, улыбающегося и радующегося, есть Живой Иисус. Но тот, чьи руки и ноги прибывали гвоздями, есть лишь телесная оболочка, его отражение. Они предают позору то, что является его подобием. Посмотри на него и [посмотри] на меня!»¹²

Другой текст из той же библиотеки, *Второй Трактат Великого Сифа*, передает учение Иисуса так:

это был другой... кто вынул желчь и уксус; это был не Я. Они били меня тростью; это был другой, Симон, кто нес крест на плече своем. Это был другой, на кого они возложили терновый венец. Но Я радовался в вышних... их заблуждению... И Я смеялся над их невежеством¹³.

Что все это значит? *Деяния Иоанна*, один из самых известных гностических текстов, найденный до открытия в Наг-Хаммади и сохранившийся в отрывках, повторяет обличения ортодоксов и объясняет, что Иисус не был во всем человеческим существом; он был духовным существом, кто приспособил себя к человеческому восприятию. *Деяния* рассказывают, что однажды Иаков увидел Иисуса стоящим на берегу в образе ребенка. Но когда Иаков указал на него Иоанну,

Я [Иоанн] сказал: «Какой ребенок?» И он ответил, «Тот, кто зовет нас». И я сказал: «Ты говоришь так потому, что долго смотрел на море. Потому видишь искаженно, брат Иаков. Разве ты не видишь прекрасного мужа, стоящего там, светлого и приятного?» Но он сказал мне: «Я не вижу такого мужа, брат мой»¹⁴.

Сойдя на берег, чтобы рассмотреть получше, они смутились еще более. Согласно Иоанну,

он вновь явился мне довольно лысым, но с густой длинной бородой, а перед Иаковым предстал юношей, чья борода только пробивалась... Я пытался увидеть, каким он был... Но он постоянно менялся, становясь то маленьким мальчиком, то взрослым человеком с устремленным в небеса взглядом¹⁵.

Иоанн продолжает:

Я поведаю вам о другом чуде, братья; иногда, когда я касался его, я осязал вещественное, твердое тело; а в другое время, когда я опять касался его, он был нематериален и бес-телесен... как если бы он и не существовал вовсе¹⁶.

Иоанн добавляет, что он очень хотел увидеть следы Инсуса, но тот никогда не оставлял их – и он никогда не моргал глазами. Из всего этого Иоанн выводит, что природа Инсуса была духовной, не человеческой.

Деяния повествуют далее, как Инсус, предвидя свой арест, вместе с другими учениками отправился в Гефсиманский сад ночью:

...он собрал нас вместе и сказал: «Пока я еще не предан им, давайте пропоем гимн Отцу и так встретим грядущее». Затем он предложил нам встать в круг, держась за руки, а сам встал посредине...¹⁷

Он повелел ученикам: «Отвечайте мне: «Аминь» и начал нараспев повторять:

«Танцующий принадлежит Космосу». – «Аминь».

«Тот, кто не танцует, не знает, что случится».

«Аминь...»

«Теперь ты следуешь за моим танцем, увидь себя во Мне, говорящего....»

Вы, кто танцует, подумайте, что Я делаю для вас.

Это страсти Человека, которыми Я должен страдать.

Вы не имеете никакого понятия, что вы страдаете, если к вам Я как Логос был послан Отцом...

Научитесь страдать, и вы не будете страдать»¹⁸.

Иоанн продолжает:

После того как Господь танцевал с нами, возлюбленными, он вышел [на страдания]. А мы остались, пораженные и как будто крепко спящие, и разбежались в разные стороны. И я увидел его страдания и не вынес их, а убежал на Масличную гору и плакал... И когда он был распят (на кресте) в пятницу, в шестой час, тьма покрыла всю землю¹⁹.

В тот момент Иоанн, сидящий в пещере в Гефсимании, вдруг видит Иисуса, говорящего ему:

Иоанн, для черни... Я был распят и пронзен копьями... и дали мне испить уксус и желчь. Но я говорю с тобой, и внимай тому, что Я говорю²⁰.

Затем Иисус показывает Иоанну «крест света» и объясняет, что «Я не претерпел ничего из того, что они будут говорить обо мне, даже то страдание, которое я показал тебе и остальным в танце; я стану тем, что назовется мистерией»²¹. Другие гностики, последователи Валентина, интерпретировали смысл таких парадоксов различно. Согласно *Трактату о Воскресении* из библиотеки находок Наг-Хаммади, поскольку Иисус был Сыном Человеческим, обладал человеческой природой, он страдал и умер подобно остальным людям²². Но так как он был еще и Сыном Божиим, божественный дух внутри его не мог умереть: в этом смысле он превзошел страдание и смерть.

Но ортодоксальные христиане считали, что Иисус *был* человеческим существом, и такие «правомыслящие» христиане должны были принять распятие как историческое и буквальное событие. Для большей верности они вставили в Символ веры, как центральный пункт веры, простое положение, что «Иисус Христос пострадал при Понтийском Пилате, был распят, умер и погребен». Папа Лев Великий (около 447 г.) осудил *Деяния Иоанна* и подобные ему писания как «очаги многообразной развращенности», которые «должны быть не только запрещены, но и абсолютно уничтожены, сожжены и погребены». Но поскольку еретические общины продолжали копировать и прятать этот текст, второй Никейский собор три столетия спустя повторил решение, указывая, что «никто да не переписывает [эту книгу]: и не только это, мы считаем, что она должна быть предана огню».

Что скрывается за этой страстностью? Почему вера в страдания и смерть Христа стала существенным элементом – некоторые говорят, *основополагающим* элементом – ортодоксального христианства? Я убеждена, что мы не сможем исчерпывающе понять это до тех пор, пока не признаем, что разногласия по поводу интерпретации страданий и смерти Христа включали для христиан I и II веков важный практический вопрос: как верующие отвечают на гонения, угрожающие непосредственно им страданиями и смертью?

Вопрос заключался не в том, находился ли ты в непосредственной близости к ученикам Иисуса, испытавшим на себе драматические события его страданий и смерти, и слышал ли рассказы о его суде, пытках и финальной агонии. С того времени, а особенно после того, как наиболее видные среди учеников, Петр и Иаков, были арестованы и затем казнены, каждый христианин осознавал, что принадлежность к вероучению подвергает их опасности. И Тацит, и Светоний, историк императорского двора (около 115 г.), которые разделяли совершенное презрение к христианам, говорят о христианской общине, главным образом как об объекте официального преследования. Повествуя о жизни Нерона, Светоний заносит в список *добрых* дел императора то, что были «наказаны христиане, приверженцы нового и зловредного суеверия»²³. Тацит добавляет к своим заметкам о пожаре в Риме:

Во-первых, тогда были арестованы те из секты, кто признался; далее, благодаря их информации, было осуждено множество людей, не столько из-за поджога, сколько из-за ненависти к человеческому роду. И их конец сопровождался издевательствами: их заворачивали в шкуры диких зверей и бросали на растерзание псам; или их распинали на крестах,

или, когда наступали сумерки, их поджигали, чтобы они служили факелами в ночи. Нерон предоставил свои сады для представления...²⁴

Тацит интерпретирует действия Нерона в отношении христиан как предлог и потребность найти козла отпущения. До сих пор правительство могло считать христиан вне Рима – если считать их всех – слишком незначительными, чтобы инициировать постоянные действия против христианства. Но в правление императора Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) и император, и Сенат стали все более склоняться в сторону подавления любых социальных инакомыслящих: астрологов, магов, последователей иных религиозных культов и философов – тех, кто, по их мнению, был потенциальным источником беспорядков²⁵. Христианская община носила все признаки заговора. Во-первых, христиане считали себя последователями человека, обвиняемого в магии²⁶ и казненного за это и за измену; во-вторых, они были «атеистами», отвергавшими как «демонов» богов, которые защищали и хранили благополучие Римской империи и даже гений (*genius* – божественный дух) самого императора; в-третьих, они принадлежали к незаконному обществу. Кроме того, по слухам, которые полиция могла проверить, их деяния указывали на тайные зверства: их враги доносили, что они ритуально едят человеческую плоть и пьют человеческую кровь. То есть их обвиняли в действиях, в которых обычно обвинялись маги²⁷. Хотя к этому времени не существовало специального закона, запрещающего переход в христианство, любой магистрат, слышавший о человеке, обвиняемом в христианстве, требовал расследования²⁸. Не зная, как поступать в таких случаях, Плиний, губернатор Вифинии (провинция в Малой Азии), писал (около 112 г.) императору Траяну, требуя прояснения:

Мой обычай, повелитель, обращаться к тебе со всеми сомнениями. Кто может лучше направить меня?.. Я никогда не участвовал в расследовании христиан; поэтому я не знаю, что обычно следует расследовать и как и до какой степени наказывать... До сих пор я действовал с теми, кто обвиняется как христиане, следующим образом. Я спрашивал их, не христиане ли они, затем спрашивал во второй и третий раз, угрожая наказанием. Если они проявляли упорство и непреклонную настойчивость, я распорядился казнить их. *Я не сомневался, что все, в чем бы они ни признавались, в любом случае заслуживает наказания... А для тех, которые говорят, что они никогда и не были христианами, думаю, будет справедливо отпустить их*, когда они вслед за мной прочтут молитвы богам, принесут жертву с ладаном и вином перед твоей статуей, которую я распорядился принести в магистратуру для этой цели, а сверх того и похулят Христа – действия, которые (как говорят) те, кто является настоящими христианами, совершать не могут²⁹.

Траян одобрил Плиния:

Ты взял правильное направление, мой дорогой Секунд, разбирая дела тех, кого обвиняют, что они христиане. Естественно, невозможно установить какое-либо общее правило, что-то наподобие процедурной формы. *Разыскивать их не следует; но если их обвинили и изобличили, они должны быть наказаны*, но те, кто отречется от веры и докажет это на деле – то есть принесет молитвы нашим богам, – получают прощение за свое покаяние, даже если в прошлом они были под подозрением³⁰.

Но Траян наставляет Плиния против анонимных обвинений, «так как это плохой и недостойный нашего времени пример». Плиний и Траян согласились с тем, что всякий, кто отказывается от подобного жеста лояльности (молитвы римским богам), должно быть, скрывает тяжкие злодеяния, поскольку наказание за отказ следовало незамедлительно.

Принявший христианство Иустин, философ, писал (около 150–155 гг.) императору Антонию Пию и его сыну, будущему императору Марку Аврелию, обращаясь к нему как к коллеге-философу и «любителю учения»³¹, смело протестуя против тех несправедливостей, которые терпели христиане в императорских магистратурах. Иустин приводит следующий случай в Риме: женщина, принимавшая участие – вместе с мужем и своими слугами – во всевозможных пьяных оргиях, затем обратилась в христианство благодаря влиянию своего учителя Птолемея и потому отказалась участвовать в оргиях. Друзья уговорили ее не разводиться, надеясь на примирение супругов. Но когда она узнала, что ее муж во время путешествия из Александрии в Египет по-прежнему и даже больше прежнего занимается развратом, она подала на развод и ушла от него. Рассерженный муж немедленно написал официальный донос на нее, «подтверждая, что она христианка». Когда он выиграл дело против нее, он затем переключился на ее учителя, обвиняя и его в христианстве. Магистрат Урбик, слушая донос, задал Птолемею лишь один вопрос: был ли он христианином? Когда тот признался, что был, Урбик немедленно отправил его на смерть. Услышав это решение, находящийся в магистратуре некий человек, Лукий, подверг сомнению приговор:

Что толку в этом приговоре? Почему ты наказываешь этого человека? Он не прелюбодей, не блудник, не вор, не гра-

битель, не осужден за какое-либо преступление вообще; но лишь потому, что он признался, что называется христианином? Это решение твое, Урбик, не императора Пния, не философа, сына Цезаря [Марка Аврелия], не священного Сената³².

Урбик ответил только: «Ты тоже похож на одного из них». И когда Лукий ответил: «Точно», Урбик обвинил его и второго человека, присутствующего в зале, и отправил их вслед за Птолемеем на смерть.

Пересказывая эту историю, Иустин подчеркивает, что любой может использовать обвинение в христианстве, чтобы решить любые личные обиды: «Я также, следовательно, могу рассчитывать на приговор и смерть³³ благодаря одному из моих соперников по профессии, философу-кинетику Кресценту», – возможно, добавил он. И Иустин оказался прав: вероятно, это и был Кресцент, по чьему доносу он был арестован и осужден в 165 г. н.э. Рустик, личный друг Марка Аврелия (который к тому времени наследовал отцу как император) председательствовал на процессе. Он приказал казнить Иустина вместе с целой группой его студентов, чье преступление состояло в том, что они изучали вместе с ним христианскую философию. Запись процесса передает, что Рустик спросил Иустина:

«Где вы встречались?» – «Везде, где было предпочтительно или возможно, – ответил Иустин. – В любом случае, вы полагаете, что мы все можем встречаться в одном и том же месте? Но это не так; ибо христианский Бог не ограничен местом; невидимо он существует на небесах и на земле, и верующие поклоняются и прославляют его везде».

Префект Рустик спросил: «Скажи мне, где вы встречаетесь? Где собираетесь вместе со своими учениками?»

Иустин ответил: «Я живу близ бань некоего Мартина, сына Тимотина, и все время моего пребывания в Риме (это мой второй приезд) я не знаю ни одного места, кроме того. Любой, кто пожелает, может прийти в мою обитель, и я преподам ему слова истины».

Префект Рустик сказал: «Ты подтверждаешь тогда, что ты христианин?» – «Конечно, да», – ответил Иустин³⁴.

Затем Рустик допрашивал Харитона, женщину по имени Харито, Эвелписта, раба императорской магистратуры, Иеракса, Либеряна и Пеона – всех учеников Иустина. Все объявили себя христианами. Дальше в отчете:

«Хорошо, – сказал префект Рустик, – тогда давайте перейдем к завершению в необходимом и важном деле. Согласно принести жертвы богам».

«Никто в здравом уме – сказал Иустин, – не повернется от благочестия к нечестию».

Префект Рустик сказал: «Если вы не подчинитесь, вы будете безжалостно наказаны»³⁵.

Когда они ответили: «Чего вы хотите, мы – христиане и не принесем жертвы идолам», Рустик произнес приговор: «Тех, кто отказывается принести жертвы богам и следовать императорскому указу, подвергнуть бичеванию и обезглавить согласно закону»³⁶.

Что было делать христианину в такой ситуации? После ареста и обвинений должен ли был он объявлять себя христианином, только чтобы получить решение о казни: немедленно быть обезглавленным, если вам посчастливилось быть римским гражданином, подобно Иустину и его ученикам, или для не-

граждан – мучительная пытка в числе зрелищ на общественной спортивной арене? Или отречься и сделать символический жест лояльности, решив впоследствии искупить свою вину?

Сталкиваясь с неприятной обязанностью предписывать для несогласных казни, римские официальные лица часто пытались переубедить обвиняемых, чтобы сохранить им жизни. Согласно современным хроникам (около 165 г.), преклонных лет почитаемый епископ Поликарп из Смирны, что в Малой Азии, был арестован полицией:

проконсул попытался убедить его отречься, говоря: «Уважь свою старость» и *другие подобные вещи, что они обычно говорят*. «Поклянись гением императора*. Отрекись. Скажи: «Смерть безбожникам!» Поликарп спокойно посмотрел на всю эту толпу незаконных язычников, кто был на стадионе... и сказал: «Смерть безбожникам!» Но проконсул продолжал увещевать его: «Поклянись, и я отпущу тебя. Прокляни Христа!» Но Поликарп ответил: «Восемьдесят шесть лет я был его слугой, и он никогда не обидел меня... Если ты воображаешь, что я поклянусь императорским *гением*, как ты говоришь, и если ты хочешь знать, кто я, слушай и скажу тебе прямо: я – христианин»³⁷.

Поликарп был сожжен на общественной арене.

Свидетельство из Северной Африки (около 180 г.) описывает, как проконсул Сатурнин, столкнувшись с девятью мужчинами и тремя женщинами, уличенными в христианстве, старался сохранить им жизнь, говоря:

* Клятва гению императора считалась самой страшной клятвой в Древнем Риме. – *Прим. пер.*

Если вы обратитесь к здравому смыслу, вы сможете получить прощение нашего господина императора... Мы – тоже религиозные люди, и наша религия проста: мы клянемся гением нашего господина императора и молимся за его здоровье – так что и вы должны сделать то же самое³⁸.

Встретив их упорное сопротивление, Сатурнин сказал: «Вы не хотите подумать?» Сперат, один из обвиняемых, ответил: «В том-то и дело, что нет необходимости в размышлении». Несмотря на это, проконсул распорядился дать отсрочку на 30 дней со словами: «Думаю, что этого достаточно». Но спустя это время и после допроса обвиняемых Сатурнин был вынужден вынести решение:

Принимая во внимание, что Сперат, Нарзал, Ситтий, Донара, Вестиа, Секунда и другие исповедовали, что они живут в соответствии с христианскими обрядами, и в то же время, хотя им и была предоставлена возможность вернуться к римским обычаям, они упорствовали в своем упрямстве, настоящим они осуждены и будут обезглавлены³⁹.

Сперат сказал: «Мы благодарим Бога!», Нарзал: «Сегодня мы мученики на небесах! Благодарение Богу!»

Такое поведение вызвало насмешку у императора-стоика Марка Аврелия, который презирал христиан как упрямых и заблудших позеров. Многие теперь могут согласиться с его оценкой либо рассматривать мучеников как невротических мазохистов. Но для иудеев и христиан I и II веков термин подразумевал различные значения: *martus* по-гречески означало просто «свидетель». В Римской империи, как и во многих странах мира в наши дни, члены определенных религиозных об-

щин чувствовали себя под правительственным подозрением в уголовной или иной нелояльной деятельности. Те же, кто, как Иустин, осмеливался публично протестовать против несправедливого отношения к христианам в магистратуре, делались вероятной мишенью политических репрессий. Перед всяким, кого уличали в подобных действиях как тогда, так и теперь, выбор часто был простым: либо высказаться откровенно, рискуя навлечь на себя арест, пытки, формальный бесполезный суд и ссылку или смерть, либо молчать, но и оставаться невредимым. Единоверцы уважали тех, кто выступал открыто как «исповедники», но почитали «свидетелями» (*martyres*) только тех, кто действительно претерпел смерть.

Но не все христиане готовы были свидетельствовать. Многие в момент, когда приходилось принимать решение, делали противоположный выбор. Некоторые считали мученичество глупым расточительством жизни и потому противным Божией воле. Они доказывали, что «Христос, погибший за нас, освободил нас от гибели»⁴⁰. Прошедшие события становятся вопросом религиозных убеждений только тогда, когда они служат для интерпретации существующего опыта, в данном случае интерпретация смерти Христа стала предметом для споров по практическому вопросу мученичества.

Ортодоксальные христиане, которые стремились отказать «еретическим» взглядам гностиков на Христовы страсти, были – без исключения – людьми, которые знали из первых рук и на себе испытали опасности, коим подвергались христиане, настаивающие на необходимости принятия мученичества. Когда великого оппонента ереси, антиохийского епископа Игнатия, арестовали и пытали, он сказал, что принимает смертный приговор с радостным ликованием, как возможность «подражать страданиям Бога моего!»⁴¹. После

приговора Игнатия в цепях и под усиленной охраной отправили из Сирии в Рим, где он был отдан на растерзание диким зверям в общественном амфитеатре. По дороге к месту своей гибели Игнатий написал христианам Рима, умоляя их ничего не предпринимать для его защиты:

Я пишу всем церквям и объявляю всем, что я умираю добровольно за Бога, если только вы не препятствуете этому. Я умоляю вас не оказывать мне неуместной доброты. Позвольте мне стать пищей для зверей, чрез что и приобщиться Богу. Я пшеница Божия, пусть измельют меня зубы зверей, чтоб я мог стать чистым хлебом Христовым... Сделайте мне это одолжение... Пусть будут огонь, и крест, и борьба с дикими зверями, рассечение и раздирание тела, раздробление костей, крушение тела.... но я достигну Иисуса Христа!⁴²

Что могли означать Христовы страсти для него? Игнатий говорит, что «Иисус Христос... действительно пострадал при Понтийском Пилате, действительно был распят и умер»⁴³. Он решительно выступал против гностических христиан, которых он называл «атеистами» за предположение, что поскольку Христос был духовным существом, то страдал и умер он только *призрачно*:

Но если, как говорят некоторые... его страдания только призрачные, тогда *почему я в узах и почему я стремлюсь бороться со зверями? И в таком случае я умираю понапрасну*⁴⁴.

Игнатий жалуется, что те, кто не поддерживает его мнения о страданиях Христа, «не тронуты моим личным страданием; ибо они думают то же самое и обо мне!»⁴⁵. Оппоненты-

гностики оспаривали его понимание страстей Христовых и прямо ставили под сомнение ценность его добровольного мученичества.

Иустин, кого традиция называет «мучеником», заявляет, что перед его собственным обращением, когда он был еще философом-платоником, он лично был свидетелем стойкости христиан при публичных пытках и казнях. Их мужество, говорит он, убедило его в божественном вдохновении⁴⁶. Протестуя против широко распространенных гонений на христиан, он упоминает тех, кого преследовали в Палестине (около 135 г.):

Ясно, что никто в целом мире не может устрашить или покорить нас, верующих в Иисуса Христа. И даже если вы обезглавите нас, или распнете, или бросите на растерзание зверям, в темницу, в огонь, или подвергнете любым другим пыткам, мы не отречемся от нашего исповедания; но случится так, что все больше и больше людей станут верующими⁴⁷.

Оставаясь последовательным в своих воззрениях относительно мученичества и мужественно приняв собственный смертный приговор, Иустин исповедует свою веру: «Иисус Христос, наш учитель, который для этого родился, был распят при Понтийском Пилате, и умер, и вновь восстал»⁴⁸. Он заканчивает свою вторую *Апологию* (*Защита* для христиан) словами о том, что написал ее исключительно с одной целью – опровергнуть «нечестивые и лживые» гностические идеи. Иустин осуждает тех, кто «называется христианами», но на самом деле являются еретиками – последователями Симона, Маркиона и Валентина⁴⁹. Мы не знаем, говорит он мрачно, сочетая допущения с намеками, действительно ли они предаются распущенности

или каннибализму, но мы знаем одно из их преступлений: в отличие от ортодоксальных христиан, «их не преследовали, не отправляли на смерть» как мучеников.

Иринея, великий противник валентинианства, был, как и многие его предшественники, человеком, вся жизнь которого была отмечена гонениями. Он упоминает многих пострадавших в Риме; и сам на личном опыте испытал потерю любимого учителя Поликарпа, который был схвачен чернью, осужден и сожжен живым. Спустя лишь 20 лет после этого события, летом 177 г., Иринея был свидетелем возросшей враждебности к христианам в своем родном городе, Лионе. Сначала им запретили появляться в публичных местах – на рынках и в банях. Затем, когда наместник провинции – легат – уехал из города,

чернь словно сорвалась. Христиан преследовали и атаковали открыто. Их клеймили как врагов общества, нападали на них, избивали и забрасывали камнями. Наконец, их поволокли в Форум... обвинили и, добившись признания, что они христиане, бросили в тюрьму⁵⁰.

Влиятельного друга Иринея, Ветгийю Эпагафа, который пытался вмешаться в ход дела, грубо одернули: «префект просто спросил его, не христианин ли он. Когда тот признался и ясным и громким голосом произнес: да»⁵¹, префект приговорил его к смерти вместе с другими христианами. Их слуги под пытками «признались», что, как и подозревали римляне, их работодатели занимались развратными зверствами и каннибализмом. Свидетельства очевидцев было достаточно, чтобы настроить население против них: «Эти истории витали повсюду, народ бушевал и неистовствовал, и даже те, кто был

нейтральным, потому что дружил с нами, стали очень сердитыми и скрежетали против нас»⁵².

Каждый день новые жертвы – в большинстве своем искренние члены церквей в Лионе или близлежащем городе Вьенне, в 20 милях вниз по реке Роне, заполняли тюрьмы, где арестованных жестоко пытали в ожидании дня массовой казни, 1 августа. В тот день должен был состояться праздник в честь величия Рима и императора. Это требовало, чтобы легат проявил свой патриотизм, щедро профинансировав публичные представления и ярмарки для всего населения города. Подобные обязательства обременяли провинциальных чиновников огромными расходами, ибо для празднеств необходимо было найти профессиональных гладиаторов, боксеров, команду борцов и мечников. Но за год до этого император и Сенат утвердили новый закон, чтобы компенсировать расходы на гладиаторские представления. Теперь наместник мог на законных основаниях выставить в подобных представлениях осужденных преступников, не являющихся римскими гражданами, предлагая зрелища пыток и казни вместо атлетических представлений, по цене в шесть ариев за голову – одну десятую той цены, которую надо было платить гладиатору пятого класса (плата увеличивалась пропорционально для более высокого уровня). Эти соображения, без сомнения, стимулировали официальное рвение по отношению к христианам, которые могли бы обеспечить, как в Лионе, наименее дорогостоящее праздничное представление.

История одной из лионских исповедниц, рабыни Бландины, иллюстрирует, что же случилось в те дни:

Все мы были в ужасе; и земная госпожа Бландины, сама бывшая среди мучеников и сильно страдающая, опасалась,

что по телесной своей слабости та не сможет произнести исповедание своей веры. Но Бланина была исполнена такой силы, что даже сами мучители, измывавшиеся над ней от зари и до заката, утомились и выдохлись. Сами они уже не знали, что с нею делать, и удивлялись, что она все еще дышит, ибо все ее тело было истерзано и искалечено.

В день, когда были назначены гладиаторские игры, Бланина и ее три товарища – Матур, Санкт и Атгал – были приведены в амфитеатр:

Бланина висела на столбе в качестве приманки для зверей, которых вскоре выпустили на арену. Казалось, она висела в форме креста, и ее усиленная молитва вызывала энтузиазм в тех, кто проходил свои испытания... Но ни один зверь не коснулся ее, и поэтому ее сняли со столба и отправили обратно в тюрьму дожидаться другого испытания... крошечная, немогущая и невзрачная, какой она была, она воодушевляла своих братьев... Наконец, в последний день гладиаторских игр они привели ее опять, на этот раз с пятнадцатилетним юношей по имени Понтик. Каждый день их приводили в амфитеатр наблюдать истязания других и в это время старались заставить их поклониться языческими богами. И так как они выстояли и осудили своих преследователей, толпа рассвирепела, так что... они подверглись всем злодеяниям и прошли через все пытки.

После бичевания хлыстами выпустили зверей, которые рвали и кусали свои жертвы, а затем посадили на раскаленный докрасна железный стул, так что огонь жег их плоть. После подобных мучений Понтик умер. Бланину же, пережившую эти пытки,

завернули в сеть и бросили выпущенному на арену быку. После того как он несколько раз поднял ее на рога и бросил наземь, она уже больше не чувствовала, что происходит... Таким образом, ее также принесли в жертву, несмотря на то что сами язычники признавали, что на их памяти ни одна женщина столько не страдала⁵³.

Хотя сам Ириней как-то избежал ареста, близость с теми, кто томился в тюрьме, вдохновила его написать письмо христианам в Рим об их ужасных страданиях. Когда он вернулся в Галлию, он нашел общину в трауре: около 50 христиан умерли во время двухмесячного гонения. Лионские христиане уговорили его принять руководство общиной, наследуя девяностолетнему епископу Пофину, который умер от пыток и издевательств в тюрьме.

Несмотря на все это, Ириней не выражает враждебности к своим землякам, но к «еретикам»-гностикам у него особые претензии. Как и Иустин, он критикует их как «ложных братьев», кто

достиг таких высот наглости, что они даже презирают мучеников и носят тех, кого убивали за исповедание Господа, и кто... тем самым стремится следовать по стопам страстей Господа, таковые сами свидетельствуют о себе мученикам⁵⁴.

Это заявление заканчивается подробным наступлением Ириней на толкование Валентином Христовых страданий. Осуждая как богохульство их утверждение, что только *человеческая* природа Христа страдала, в то время как божественная – избежала страданий, Ириней настаивает, что

*один и тот же Христос Сын Божий, кто был схвачен, и страдал, и пролил свою кровь за нас, и... стал Спасителем тех, кто будет предан смерти и потеряет свою жизнь за исповедание его*⁵⁵.

Несомненно, добавляет он, «если кто-то предполагает, что существует две природы Христа», одна из них, которая страдала, была, несомненно, главнее той, что избежала страданий или оскорблений. В судный день, предупреждает он, когда мученики «достигнут славы, тогда всех тех, кто стремился отвергать их мученичество, поразит Христос»⁵⁶.

Тертуллиан, другой страстный обличитель ереси, описывает, как вид христиан, замученных и умирающих, положил начало его собственному обращению: он увидел осужденных христиан, которых римские охранники наряжали в одежды языческих богов. Один был одет подобно Аттису; его разорвали на части звери на арене; другого, одетого как Геркулес, сожгли живым. Тертуллиан признается, что однажды он также наслаждался «нелепой жестокостью полуденных гладиаторов»⁵⁷, наблюдая, как некий человек, одетый как бог Меркурий, трогал раскаленным железом тела убитых, и другого, в виде Плутона, бога мертвых, который вытаскивал трупы с арены. После своего собственного обращения Тертуллиан, подобно Иринею, соединяет учение о Христовых страданиях и смерти со своим собственным восторженным отношением к мученичеству: «Ты должен взять свой крест и последовать за Господином... Единственный ключ к Раю – твоя собственная пролитая кровь»⁵⁸. Тертуллиан возводит рост ереси непосредственно к вспышкам насилия. Это, говорит он, побуждает испуганных верующих искать средства, чтобы оправдать свое малодушие:

Нынешнее время для христиан – время гонений. Поэтому, когда вера изнемогает и церковь на костре... тогда появляются гностики; тогда вылезают валентиниане; тогда все противники мученичества активизируются и мнутя... ибо они знают, что многие христиане – простые, неопытные и малодушные люди, и... они чувствуют, что никогда не признаются, ибо страх сковал их души, особенно когда террор уже приготовил венцы для вероисповедников и мучеников»⁵⁹.

На все «еретические» аргументы против мученичества Тертуллиан отвечает:

Ныне мы в середине лета, в зените гонений... одни христиане подвергнуты огню и мечу, других терзали звери; третьи томятся в тюрьмах, претерпевая избияния и пытки, и жаждут мученичества, вкус которого уже познали... Мы сами, будучи предназначены для преследований, похожи на робких зайцев, окруженных со всех сторон, а еретики ходят как ни в чем не бывало!⁶⁰

Такая ситуация, объясняет он, вдохновила его осуждать как еретиков тех, кто «выступает против мученичества, представляя спасение как уничтожение», и называет призыв к мученичеству глухим и жестоким.

Ипполит, писавший по-гречески и трудившийся в Риме, был также свидетелем свирепых гонений при императоре Севере в 202 г. Его рвение к мученичеству, как и у Тертуллиана, соответствовало его ненависти к ереси. Он заканчивает свой обширный труд «Опровержение всех ересей» утверждением, что только ортодоксальное учение относительно воплощения и страстей Христа позволяет верующим терпеть гонения:

Если бы мы сами не обладали той же самой природой, напрасно было говорить нам, чтобы мы подражали учителю... Он не восстал против своих страданий, но оставался послушным даже до смерти... теперь во всех деяниях, которые он принес как первые плоды своей человечности, чтобы вы, находясь в беде, не поддавались унынию и страху, но, решив для себя быть как Искушитель, могли жить в ожидании того, что Отец даровал Сыну⁶¹.

В свои семьдесят с лишним лет Ипполит сам исполнил свой призыв: по приказу императора Максима в 235 г. его арестовали, а затем выслали на Сардинию, где он и умер.

Какую закономерность мы наблюдаем далее? Все противники ереси во II веке – Игнатий, Поликарп, Иустин, Иринея, Тертуллиан, Ипполит – были единодушны как в провозглашении Христовых страданий и смерти, так и в утверждении мученичества. Они все также обвиняли еретиков в ложном учении о Христовых страданиях и о «сопротивлении мученичеству». Иринея пишет:

Церковь в каждом месте по своей любви к Богу предпосылает к Отцу множество мучеников во все времена; в то время как другие не только ничего подобного не имеют среди своих, но даже заявляют, что такое свидетельство (мученичество) вовсе не необходимо... за исключением, возможно, одного или двух среди них... кто случайно, вместе с нашими мучениками потерпел поношение имени... Ибо лишь церковь поддерживает непорочность поношения тех, кто страдал от гонений во имя истины, и перенес все пытки и принял смерть ради любви к Богу и за исповедание его Сына⁶².

Ириной отрицает гностиков, умерших за веру, даже мучеников: в лучшем случае они – только «своего рода свита», представленная к истинным мученикам – ортодоксальным христианам.

Хотя Ириной, несомненно, преувеличивал эпизодичность мученичества еретиков, мученичество действительно редко встречалось среди гностиков-христиан. Причиной было не просто малодушие, в чем обвиняли их ортодоксальные христиане, но также различие во взглядах их самих. Какие позиции занимали гностики по отношению к мученичеству, на каких основаниях? Документальные свидетельства из Наг-Хаммади показывают, что их взгляды были удивительно разнообразными. Некоторые защищают его, другие же не признавали его в принципе. Последователи Валентина занимали срединную позицию между этими крайностями. Но одно ясно: в каждом случае позиция по отношению к мученичеству корреспондировалась с толкованием страданий и смерти Христа.

Некоторые группы гностиков, подобно ортодоксальным христианам, утверждали, что Христос действительно страдал и умер. Такой взгляд подтверждают несколько текстов, открытых в Наг-Хаммади, включая *Апокриф Иакова*, *Второй Апокалипсис Иакова* и *Апокалипсис Петра*, написанные учениками, претерпевшими мученичество, – Иаковом, братом Иисуса, и Петром. Автор *Апокрифа Иакова*, вероятно, был христианином, жившим во II веке, он тревожился о грядущих гонениях, ставя себя в ситуацию Иакова и Петра. Так как они предвидели предстоящие мучения и смерть, пишет он, они получили видение восставшего Господа, раскрывшего и растолковавшего испытания, с которыми им предстояло встретиться, в терминах Его собственных страданий:

...Если вы угнетены Сатаной и гонимы и вы исполняете его [Отца Небесного] волю, Я [говорю], что он будет любить вас и сделает вас равными мне... Или вы не знаете, что вы все еще поносимы и несправедливо обвиняемы, и еще заперты в тюрьме, и осуждены незаконно, и распяты (без причины, и похоронены (позорно), как Я (был) сам?.. Истинно говорю вам, никто не спасется иначе, как через веру в мой крест. Но те, кто поверил в мой крест, тех есть Царство Божие... Истинно говорю вам, никто, кто боится смерти, не будет спасен; царство смерти принадлежит тем, кто предал себя смерти⁶³.

Этот гностический автор не только утверждает, что Христос действительно страдал и умер, но даже вдохновляет верующих принять страдания и смерть. Как и Игнатий, этот гностический учитель верит, что любой может соединиться с Христом через страдание: «Уподобьтесь Сыну Святого Духа!»⁶⁴

Та же обеспокоенность гонениями и та же аналогия между опытом верующего и страданием Спасителя доминируют во *Втором Апокалипсисе Иакова*. Спаситель, «кто жил [без] хулы, умер через [клевету]»⁶⁵. И он говорит: «Я, несомненно, умираю, но я найдусь в жизни»⁶⁶. В *Апокалипсисе* напряжение нарастает и достигает кульминации в сцене жестоких пыток самого Иакова и его смерти от побивания камнями:

...священники... нашли его стоящим возле колонн храма, рядом с мощным угловым камнем. И они решили сбросить его с высоты, и они сбросили его. И... схватили его и [били] его, так как волокни его по земле. Они растягивали его, и положили камень на живот его. Они били его ногами, говоря: «Ты согрешил!» И опять подняли его, и по-

скольку он был жив, заставили его копать яму. И заставили спуститься в нее. После этого зарыли его по пояс и закидали камнями⁶⁷.

Когда он умирал, он возносил молитву, чтобы подкрепить других христиан, которые сталкивались с мучениями. Как и Иисус, Иаков, «несомненно, умирал», но «нашелся в жизни».

Но в то время когда некоторые гностики утверждали реальность Христовых страданий и выражали стремление к мученичеству, другие отрицали подобную реальность и отвергали такой энтузиазм. *Свидетельство Истины* объявляет, что жаждущие мученичества не знают, «кто есть Христос»:

Глупо думать в своих сердцах, что, если они исповедуют: «Мы христиане», это только слова, [но] не дело заблуждаться о человеческой смерти, не знать, что они делают, ни кто есть Христос, заблуждаться о собственной жизни – стремиться к начальству и власти. Они попадут в их когти, потому что не знают, что есть в них⁶⁸.

Автор высмеивает расхожий взгляд на мученичество, которое гарантирует спасение: если бы это было так просто, говорит он, *каждый* бы исповедовал Христа и был спасен! Те, кто живет с такими иллюзиями, –

[напрасные] мученики, поскольку они свидетельствуют лишь себя... Когда они «предают» себя (мученической) смерти, они думают: «Если мы предадим себя смерти в его Имя, мы спасемся». Такие дела не делаются так... Они не имеют Слова, которое дает [жизнь]⁶⁹.

Этот гностический автор критикует некоторые взгляды на мученичество, близкие к ортодоксальным источникам. Во-первых, он нападает на убеждение, что смерть мученика предполагает прощение грехов, взгляд, выражающийся, например, в ортодоксальном описании мученичества Поликарпа: «Пострадав один час, они приобрели для себя вечную жизнь»⁷⁰. Тертуллиан также декларирует, что он сам желает пострадать, «что он может получить от Бога полное прощение, отдав взамен свою кровь»⁷¹. Во-вторых, этот автор высмеивает ортодоксальных учителей, которые, подобно Игнатию и Тертуллиану, смотрят на мученичество, как на жертву Богу, и кто уверен, что Бог желает «человеческой жертвы»: такая вера делает Бога каннибалом. В-третьих, он нападает на тех верующих, кто верит, что мученичество приведет их к воскресению. Рустик, римский магистрат, спросил Иустина лишь за мгновение до вынесения приговора: «Послушай, ты считаешься образованным... ты думаешь, что вознесешься на небеса?» Иустин отвечал: «Я не *предполагаю*, а знаю точно и абсолютно убежден в этом»⁷². Но *Свидетельство Истины* заявляет, что такие христиане занимаются лишь «саморазрушением», они вводят в заблуждение других, считая, что Христос разделит их собственную смертность, когда в действительности он, будучи заполнен божественной силой, был чужд страданиям и смерти:

Сын Человеческий [вышел] из нетленности, [будучи] чужд осквернению... он спустился в Ад и совершил множество чудес. Он воскресил мертвых там... и еще разрушил их (мироправителей тьмы) работу среди людей, так что хромые, слепые, парализованные и немые, одержимые демонами получили исцеление... И по этой причине он [погубил] свою плоть...⁷³

Апокалипсис Петра сообщает, как Петр, указывая на свое непонимание, становится просветленным и открывает истинную тайну страстей Христовых. Автор этой книги, как и *Апокрифа Пакова*, возможно, был христианином-гностиком, знакомым с угрозой преследования. *Апокалипсис* открывается, когда Петр боится, что он и его Господь встретятся с подобной опасностью: «...Я видел священников и людей, бегущих к нам с камнями, как если бы они собирались убить нас; и я испугался, что мы умрем»⁷⁴. Но на Петра находит экстатический транс, и он получает видение Господа, который предупреждает его, что многие, «кто получил наше учение вначале»⁷⁵ впадут в ошибку. Эти «ложные верующие» (описанные, конечно, с гностической точки зрения) представляют ортодоксальных христиан. Все, кто подпал под их влияние, «станут узниками, поскольку не понимают»⁷⁶.

Гностический автор не любит большинство этих христиан потому, что они принуждают невинных единоверцев к «палачу» – видимо, представителям имперской власти Рима – в иллюзии, что если они «придерживаются имени мертвеца», исповедуя распятого Христа, «они очистятся»⁷⁷. Автор говорит:

...Это те, кто угнетает своих братьев, говоря им: «Чрез это [мученичество] наш Бог показывает милость, поскольку спасение приходит к нам от этого». Они не знают наказания для тех, кто радовался тому, что было сделано малым сим, которые смотрели на то, как их поработщали»⁷⁸.

Автор отрицает ортодоксальную жажду мученичества (и что она может привести к спасению) и ужасается радостным возгласам людей по поводу жестокой расправы над «малыми сими». Таким образом, католическое сообщество «возвещает

неизбежную судьбу»⁷⁹, что многие верующие «погибнут среди них»⁸⁰.

Но в то время как *Апокалипсис Петра* отрицает ортодоксальный взгляд на мученичество, он одновременно не отрицает мученичества вообще: «другие из тех, кто страдал» (то есть те, кто получил *знание*), приобретают новый смысл их собственных страданий; они понимают, что оно «будет совершенствовать мудрость братства, которое действительно существует»⁸¹. Вместо учения, которое порабощает верующих, – ортодоксальное учение о распятии Христа – Спаситель дает Петру новое видение своих страстей, что мы отметили выше:

...Тот, кого ты видишь у креста, радостного и улыбающегося, есть живой Иисус. А тот, в чьи руки и ноги вбивают гвозди, есть его плотская оболочка, которая всего лишь отражение. Они предают позору то, что остается его подобием. Но взгляни на него и на Меня!⁸²

Через это видение Петр учится встречаться со страданием. Первоначально он боялся, что он и Господь «умрут»; теперь он понимает, что только тело, «плотская оболочка», «отражение» могут умереть. Господь объясняет, что «начальная природа», умный дух соединяет «совершенный свет с моим святым духом»⁸³.

Гностические сочинения, написанные Валентином и его последователями, более сложные, чем те, которые просто подтверждают страсти Христовы, или те, которые заявляют, что отдельно от его смертного тела Христос оставался совершенно невосприимчивым к страданиям. Несколько главных текстов валентиниан, открытых в Наг-Хаммади, несомненно, признают страсти и смерть Христа. *Свидетельство Истины*, ко-

торое Квиспел приписывает Валентину или его последователям, повествует, как Иисус, «пригвожденный к дереву», «подверг себя смерти»⁸⁴. Расширяя общую христианскую метафору, автор рисует в своем воображении Иисуса на кресте, как плод на дереве, новый «плод на дереве познания», что дает жизнь, не смерть:

...пригвожденный к дереву; он стал плодом познания [gnosis] Отца, который, однако, не вызвал разрушения оттого, что был съеден, но те, кто ели его, возрадовались открытию. Ибо он открылся им в себе самом, и они открыли его в себе...⁸⁵

В противоположность ортодоксальным источникам, которые толковали смерть Христа как жертву, избавляющую человечество от чувства вины и греха, это гностическое евангелие рассматривает распятие как случай для самораскрытия божественного. Даже с такой различной интерпретацией *Евангелие Истины* дает волнующее описание Иисусовой смерти:

...милостивый, набожный Иисус был терпелив в принятии страданий... поскольку он знал, что его смерть есть жизнь для многих... Он был пригвожден к дереву... Он подверг себя смерти, хотя вечная жизнь окутывала его. Сбросив с себя смертные одежды, он облекся в вечность...⁸⁶

Другой удивительный валентиниановский текст, *Трехчастный Трактат*, выводит Спасителя как «того, кто рождается и страдает»⁸⁷. Движимый состраданием к человечеству, он добровольно стал

тем, чем были они. Ибо именно ради них он стал явленным в невольных страданиях... Он не только облелся в смерть тех, кого он предполагал спасти, но также принял их малость... Он соизволил быть зачатым и родиться как младенец, в теле и душе⁸⁸.

Но природа Спасителя – парадоксальна. *Трехчастный Трактат* объясняет, что тот, кто рожден и страдал, есть Спаситель, предсказанный иудейскими пророками; но «они не представляли, что он был прежде всего и что он есть непреложное, нерожденное, бесстрастное Слово, явленное во плоти»⁸⁹. Также и *Евангелие Истины* при описании Иисусовой смерти говорит, что

Слово Отца дается всем... очищая их, принося их назад к Отцу, Матери, Иисус бесконечно милостив⁹⁰.

Третий валентиановский текст, *Истолкование Знания*, провозглашает тот же парадокс. С одной стороны, Спаситель становится уязвимым для страдания и смерти; но с другой – он есть Слово, полное божественной силы. Спаситель объясняет: «Я стал малым, чтобы чрез мое уничтожение возвести вас к величайшей вершине, откуда вы пали»⁹¹.

Ни один из тех источников не отрицает, что Иисус действительно страдал и умер; все допускают это. Но все они заинтересованы показать, как в своем воплощении Христос перешагнул пределы человеческой природы, так что он смог преодолеть смерть божественной силой⁹². Валентиниане тем самым инициировали обсуждение проблемы, которая становится центральной для христианской теологии приблизительно 200 лет спустя – вопрос о том, как Христос мог быть

одновременно человеком и божеством. Поэтому Адольф Гарнак, историк христианства, назвал их первыми христианскими теологами.

Что это значит для проблемы мученичества? Ириной обвинил валентиниан, что они «облили презрением» мучеников и «запятнали их страдания». Какова была их позиция? Гераклион, другой гностический учитель, бывший сам учеником Валентина, непосредственно обсуждает мученичество, комментируя высказывание Иисуса:

...всякого, кто исповедует Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедует пред Ангелами Божиими... Когда же приведут вас... к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать...⁹³

Гераклион задается вопросом, что значит «исповедовать Христа»? Он поясняет, что люди исповедуют Христа различными путями. Некоторые исповедуют Христа своей верой и своим повседневным поведением. Однако большинство людей считает истинным только второй тип исповедания – словесное исповедание («Я – христианин») перед магистратом. Последние, говорит он, и есть «большинство» (ортодоксальные христиане), которые *только* такое исповедание считают исповеданием. Но, указывает далее Гераклион, «даже лицемеры могут продемонстрировать такое исповедание». То, что требуется вообще от всех христиан, по его словам, – это первый тип исповедания; второй – требуется от некоторых, но не всех. Ученики, такие как Матфей, Филипп и Фома, никогда не «исповедовались» перед магистратами; хотя они исповедовали Христа наилучшим путем: «верой и образом всей своей жизни»⁹⁴.